

Morte», «Le Carillonneur», могла отличаться только склонностью къ меланхолии, задумчивости, самоанализу, отчасти—мистицизму. Только въ самыхъ раннихъ его произведеніяхъ, о которыхъ онъ впослѣдствіи не любилъ даже вспоминать, отражается, мѣстами, болѣе легкое и безпечное отношеніе къ жизни. Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ знакомства съ непрекращенною дѣйствительностью, разочарованій, болѣзней, неудачъ, его міросозерцаніе стало принимать все болѣе пессимистическую окраску. И вся та скорбь, которая разлита въ міръ, которая чувствуется и въ завываніи вѣтра, и въ колокольномъ звонѣ, и въ шелестѣ осеннихъ листьевъ, гонимыхъ вѣтромъ, и въ вечернемъ сумракѣ, окутывающемъ землю, становилась ему все понятнѣе и ближе...

Если бы нужно было сдѣлать какую-нибудь фразу эпитафіей ко всему творчеству Роденбаха, нельзя было бы, кажется, придумать ничего болѣе подходящаго, чѣмъ эти слова, встрѣчающіяся въ одномъ изъ его посмертныхъ рассказовъ: «Ахъ, какъ жизнь печальна!.. *какъ все печально!*» Скорбь Роденбаха носила, правда, чисто внутренний, субъективный, почти безот-

четный характеръ; вы не найдете у него стихотвореній, написанныхъ на злобу дня, гражданскихъ мотивовъ, тенденціозной лирики. Но всѣ тѣ, кто томился безысходною тоскою, испытывалъ неудовлетворенность жизнью, задумывался надъ тайною Смерти или оплакивалъ разбитыя мечты, всегда найдутъ откликъ своимъ ощущеніямъ и невздамъ въ меланхолическихъ стихахъ поэта.

«Сѣрое небо Сѣвера положило неизгладимый отпечатокъ на мою душу». Самъ Роденбахъ не скрывалъ могущественнаго вліянія сѣрыхъ, невеселыхъ тоновъ фламандскаго ландшафта и мрачнаго вида потонувшихъ въ туманѣ городовъ на все его міросозерцаніе, на весь складъ его творчества. Въ Парижѣ, вдали отъ родины, въ многолюдныхъ литературныхъ салонахъ, въ кругу такихъ людей, какъ Гонкуры, Додэ, Октавъ Мирбо и другіе, онъ продолжалъ вспоминать покинутый имъ мертвый городъ, гдѣ прошло его дѣтство и отрочество, гдѣ въ стѣнахъ коллѣжа, руководимаго духовенствомъ, онъ впервые задумался надъ вопросомъ о суетности жизни и мимолетности счастья, гдѣ что-то унылое, безотрадное, и все же родное, близкое ему, точно разлито въ воздухъ...

И вотъ онъ воссоздаетъ въ своемъ творествѣ своеобразную красоту мертваго города... Онъ говоритъ объ узкихъ, часто поросшихъ травой улицахъ, старыхъ домахъ съ остроко-нечными черепитчатыми крышами, монастыряхъ и церквахъ, уцѣлѣвшихъ отъ далекаго прошлаго, украшенныхъ суровою, безыскусственною живописью и внушающихъ невольное уваженіе,— о погруженныхъ въ дремоту каналахъ, о бѣлыхъ лебедяхъ, плавно скользящихъ по ихъ поверхности... Онъ говоритъ о безотрадныхъ, навѣ-вающихъ уныніе предмѣстьяхъ, объ одинокихъ фонаряхъ, пламя кото-рыхъ дрожитъ и точно умираетъ въ ненастные вечера, о звукахъ органа, о меланхолическомъ звонѣ колоко-ловъ, разносящемся по воздуху и иногда принимающемъ характеръ тро-гательной, скорбной мелодіи... И не только въ однихъ стихотвореніяхъ Роденбаха, но и въ двухъ его рома-нахъ—«Bruges-la-Morte» и «Le Caril-lonneur», въ его одноактной пьесѣ «Покрывало», Брюгге играетъ важ-ную роль, оказываетъ могуществен-ное вліяніе на человѣческую душу. Да, это былъ вѣрный и преданный пѣвецъ туманнаго Сѣвера и отжив-шихъ свой вѣкъ, точно посѣдѣвшихъ

отъ времени, городовъ, — «на чужихъ берегахъ страдальческій образъ отчизны далекой хранившій въ завѣтныхъ мечтахъ».

«Слышишь ли ты тишину, которая царить здѣсь?» — спрашиваетъ Майя у Рубека въ «эпилогѣ» Ибсена, «Когда мы, мертвые, пробуждаемся». II Рубекъ, послѣ попытки отдѣлаться ироническимъ замѣчаніемъ, долженъ согласиться съ тѣмъ, что безмолвіе можно, дѣйствительно, слышать... Роденбахъ умѣлъ болѣе, чѣмъ кто-либо, прислушиваться къ безмолвію! Французскій критикъ Бриссонъ не даромъ назвалъ его въ 1895 году «поэтомъ Молчанія». Вся природа, всѣ неодушевленные предметы для него полны незамѣтной съ перваго взгляда внутренней жизни. Онъ одухотворяетъ старыя, опустѣлыя зданія, комнаты, перевидавшія длинный рядъ поколѣній, часы и картины на стѣнахъ, зеркала, въ разное время отразившія въ себѣ такъ много лицъ. Онъ прислушивается къ стону умирающаго цвѣтка, груститъ о постепенномъ увяданіи букета, говоритъ о старости и сѣдинѣ большихъ камней, покрытыхъ бѣлымъ мхомъ... Вода каналовъ, рѣкъ и озеръ для него имѣетъ свою индивидуальность, способна мечтать, гру-

ститъ и томиться, подобно людямъ, чувствуетъ влеченіе къ голубому небу въ свѣтлые лѣтніе дни, хранить въ своей глубинѣ отраженія давно минувшихъ событій, когда-то разыгравшихся на ея берегу. Облака, несущіяся по небу, то грустятъ, то предаются радости... Все полно таинственной внутренней жизни — даже тамъ, гдѣ царитъ Смерть!.. Все имѣетъ душу и краснорѣчиво даже въ своемъ безмолвіи...

Когда послѣ смерти Роденбаха вышли еще два его произведенія, — эффектная драма «Миражъ», передѣланная изъ романа «Bruges-la-Morte» (напечатана въ журналѣ *Revue de Paris*, затѣмъ отдѣльно) и сборникъ неизданныхъ разсказовъ «Прялка тумановъ» *) (не говоря уже о цѣломъ томѣ критическихъ статей его), они вызвали грустные ощущенія въ сердцахъ всѣхъ тѣхъ, кто цѣнилъ творчество поэта, лишній разъ напомнивъ имъ о томъ, что его дѣятельность оборвалась въ ту пору, когда онъ могъ бы еще создать немало

*) Этимъ заглавіемъ Роденбахъ, по всей вѣроятности, хотѣлъ обозначить частую смѣну туманныхъ образовъ, проносившихся передъ его уметственнымъ взоромъ, подобно тому, какъ колесо прялки разматываетъ одну нитку за другою своимъ быстрымъ движеніемъ.

художественныхъ произведеній... Лучшіе, наиболѣе интересные и талантливо написанные изъ числа посмертныхъ разсказовъ Роденбаха,—крайне сочувственно встрѣченныхъ самыми разнообразными органами французской печати, — предлагаются теперь вниманію русской публики, для которой имя Роденбаха уже не такъ чуждо теперь, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Здѣсь мы опять находимъ многіе мотивы, уже знакомые намъ по другимъ сочиненіямъ Роденбаха, разработанные притомъ съ неменьшимъ искусствомъ. Въ «Процессіи», «Старомъ городѣ», «Священной зелени», «Коллѣжѣ» снова обрисовываются старые фламандскіе города и монастыри, міръ католическихъ вѣрованій, обломковъ средневѣковой жизни, царство Молчанія и Грусти. Въ такихъ разсказахъ, какъ «Разлука съ старымъ жилищемъ», или «Въ сумеркахъ», отражается то задумчивое, меланхолическое настроеніе, которое почти всегда было неразлучно съ поэтомъ и придавало своеобразную окраску всѣмъ его произведеніямъ. «Обратная сторона» — одна изъ немногихъ вещей Роденбаха въ болѣе легкомъ жанрѣ, написанная весьма удачно и живо, — если вспомнить, какъ мало со-

отвѣтствовалъ этотъ жанръ общему складу его дарованія.

Весьма важны для характеристики убѣжденій и міросозерцанія Роденбаха три его разсказа, въ которыхъ отразился его взглядъ на призваніе поэта и на новѣйшія теченія въ области литературы и искусства, однимъ изъ піонеровъ которыхъ былъ онъ самъ: «Вечеръ», «Идеаль», «Точно волшебная сказка». Въ нихъ проводится та мысль, что поэтъ долженъ стоять въ сторонѣ отъ житейской суеты, не смѣшиваясь съ толпой, которая никогда не пойметъ его, — долженъ примыкать къ тонко чувствующему и отзывчивому меньшинству, поддерживать въ своей душѣ пламя идеализма. Немного рѣзко выраженная въ оригинальномъ разсказѣ «Вечеръ», эта мысль вполне ясно и художественно проведена въ двухъ другихъ, проникнутыхъ сочувствіемъ къ новаторамъ въ сферѣ поэтического творчества и одинокимъ, независимымъ, замкнутымъ въ себѣ дѣятелямъ словесности.

Въ этомъ представленіи о поэтѣ, какъ человѣкѣ, стоящемъ какъ бы внѣ общества, равнодушномъ ко всему суетному, низменному, слишкомъ земному, вылился весь Роденбахъ.

Онъ самъ также всю жизнь занималъ обособленное положеніе, не участвуя въ борьбѣ партій и литературныхъ школъ, стремясь, прежде всего, быть искреннимъ и самобытнымъ, всецѣло погруженный въ свои думы и поэтическія грезы... точно уединенный, неприступный утесъ, часто окутанный густымъ туманомъ, — передъ которымъ раскинулась клочущая морская бездна, но до котораго не долетаютъ брызги волнъ, разбивающихся о скалы...

Юрій Веселовскій.

РАЗЛУКА
СЪ СТАРЫМЪ
ЖИЛИЩЕМЪ

